

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

(Чиста и светла память об отце...)

Не спалось... Ночной дождь мерно и уверенно стучал по окнам, порывисто и настойчиво шумел листьями старых груш и ветками сирени с гроздьями жестких послецветий, потоками пенился и шипел где-то внизу. Слышно было, как громко спешили эти быстрые ручейки достичь чего-то нужного и важного им, пузырясь и вздрагивая на неровностях дворового асфальта. Может, они искали крохи уцелевшей земли, чтобы войти в неё и дать жизненные силы редкой, пожухлой от долгой жары и неволи, хилой городской растительности?

Дождь – это всегда надежда... Он очищает и питает собою всё, к чему прикоснётся. Как слёзы – душу. Он смывает сор и надоевшую пыль, растворяет горечь и досаду потоками свежести и чистоты. Я люблю дождь. Это – моё...

Закрыв глаза и слушая музыку ненастья, можно вспоминать и вновь ощущать былые дожди, что прошелестели и отшумели когда-то, пусть много лет назад, но успели впитаться в память свежестью и остротой чувств или пережитых мгновений.

Были дожди солнечно-искрящиеся, лёгкие и танцующие радугой в каждой капельке, тёплые и парящие! Звонкие, как «точка-тире» в азбуке Морзе, несущие в себе восторг весны и обновления! Их не счесть и не отличить друг от друга – настолько они похожи этой своей счастливостью и неизменной повторяемостью из года в год! Щедро обещая и нашёптывая самое желанное и несбыточное всем подряд – людям, деревьям, полям и далёким речушкам, и оставляя после себя надолго какие-то невесомо-трепетные чаяния и надежды, они спешно покидали нас, будучи позже спрессованы памятью в одну необъятную и светлую массу предощущений...

И всё же один из этих дождей лёгким облачком парит в памяти надо всеми, изредка чуть касаясь губ мимолётной улыбкой и возвращая в ту весну... Выдался он в один из майских дней моего последнего школьного года, накануне выпускных экзаменов и неизбежных шагов во взрослую, самостоятельную жизнь. Напряжённая работа с тетрадками и книгами, волнения и тревоги о предстоящем – даже это не могло удержать меня от жажды попасть в весенний лес и послушаться там всех его волшебных тайн и звуков! Шёпот и шелест первой листвы, счастливый галдёж птичьего оркестра, хмельная радость черёмух, запахи земли и свежесть ветра – как это манило и тревожило, лишая здравого смысла и растягивая губы в наивно-счастливую детскую улыбку! Так хотелось раздать, не жалея, разделить всё это богатство с кем-то ещё!

И вот я стала звать с собою Ольгу – одноклассницу из соседнего класса «А», с которой мы как-то неожиданно легко обнаружили на излёте

школьных лет так много общего в жизненных интересах; и нас тянуло друг к другу всё сильнее. Одно лишь меня удивляло и огорчало – она выросла без леса! Две её младшие сестры требовали постоянной заботы, и родители умудрялись обеспечивать семью всем необходимым – уют и порядок в их просторной квартире говорил о прочном и устоявшемся семейном счастье, о силе и надёжности домашних стен, способных отразить все атаки жизненных бурь и невзгод, укрыть и обогреть. Каждая из трёх сестёр сполна получала любовь и нежность, зоркость глаз и твёрдость руки знающих своё дело родителей – всё было правильно, ладно, устойчиво, многообещающе... Давно стал привычен для наших улочек силуэт Олиного отца с неизменно полной хозяйственной сумкой в руках, его неспешная твёрдая походка, тёмный беретик на голове, блеск изящных очков, строгий костюм преподавателя и вежливые кивания всем при встрече. Да, там – всё как должно быть и будет! Осечки и промахи исключены – десятки и только десятки ожидали всех девочек в будущем!

Я не ошиблась – так оно и случилось – своевременно и основательно, как наступление щедрой урожайной осени после кропотливого летнего труда: всё выращено, заботливо собрано, сохранено, разложено по баночкам и полочкам, готово к любым ненастьям...

Ну а лес... Это оказалось за границами их счастья и осталось неизведанным! Поэтому я и решила подарить Оле то, что всегда было дорого мне – упоение природой...

Итак, Олина тетрадь с конспектами перекочевала ко мне, как залог её прихода к утренней электричке! Но напрасно мы с папой и хлопотливо-возбуждённой Топонькой на коротком поводке ждали её на перроне до последней минуты. С утра пошёл лёгкий дождичек и, видимо, это её остановило – она не пришла. Мы ж сели в вагон уже подмокшие, но храбро покинули город под радостный стук колёс. Дождь, однако, оказался настырным и не желал прекращаться, бесконечно поливая всё вокруг. Собака наша стала похожа на мокрую курицу: густая волнистая шерсть налипла толстыми неуклюжими прядями, обнажив розовую кожу на боках и спине, роскошный хвост превратился в жалкий хлыстик и пилой заострилась круглая прежде мордочка с коричневой тюпкой на конце. Тем не менее, глазёнки сверкали радостью, и восторженное тьяканье чередовалось с попытками лизнуть нас!

Покрутившись недолго по мокрому лесу, мы неохотно повернули обратно и оказались в реденькой тополиной рощице, что тянулась вдоль самой железной дороги и никогда не удостоивалась нашего внимания, будучи лишь этапом на пути к любимым далям и красотам «Торкуновских» полей, грибных перелесков «Кукуй-Горы», цветущих луговых трав выше пояса, что ветрами превращались в буйство «морских» стихий на головокружительных высотах бесконечно-крутого подъёма от берега узкой извилистой речушки до самого, казалось нам, неба. Теперь

же дождь не позволял проделать эти километры без риска простудиться и заболеть, предлагая нам довольствоваться «малым».

И вдруг в этой скромной и неприметной рощице на нас обрушилось такое облако свежести и терпкого запаха тополей, что мы зачарованно замерли! Какое счастье, что мы оказались именно здесь! На наших глазах в струях дождя происходило чудо рождения тополиных листочков: распадались прочные и жёсткие только что чешуи и, пёстро кружась в дождевых потоках, колко били нас по лицам и рукам, обдавали терпкостью и горьким тополиным духом, оставляя на ветках своих пленников – призрачно-бледные ладошки будущей кроны... Весело схлестнулись в схватке две стихии, и невозможно было выделить сильнейшего в отчаянном поединке запахов – свежести весеннего ливня и горькой терпкости мокрых клейких листочков, гибких веточек и отлетающих жёстких корочек, так похожих на суетливых жучков... Всё это вместе взятое пьянило нас крепче вина, и мы долго стояли, замороженные, среди этой свежести тополиного облака, закрыв глаза и уже не прячась от дождя, впитывая в себя необъятное счастье запахов, звуков, красоты! Казалось, что ты уже паришь над землёй, и это никогда не кончится...

Мокрые до нитки, с лязгающими от холода зубами, мы долго слушали песню дождя и танцующих веток, вбирали в себя мощный аромат тополиной горечи – жадно пили свежее вино нашей весны...

Несколько веточек из той счастливой рощи я принесла Оле вместе с её тетрадкой прямо с вокзала, ведя притихшую усталую Топоньку на

провисшем поводке. У коврика перед Олиной дверью уверенно расплывались две лужицы – с меня и с моей собаки медленными струйками стекали последние капельки тополиного вина... Шерстяная шляпа моя – белая с пятнами тёмных красных кругов и слипшимися кисточками по краям, обвисла тяжёлым непропечённым блином, из-под которого на плечи остро выбивались мокрые прядки волос. Слов не хотелось говорить, их и не было – я просто стояла и улыбалась. Оля тоже молчала. И тут вдруг откуда-то из-за Олиной спины выглянула, любопытствуя, самая младшая сестрёнка и замерла с открытым ртом! Я никогда не забуду этот ставший недетским взгляд ребёнка: как из зеркала, из распахнувшихся широко глазёнок, на меня посмотрело отражение счастья, но не испытанного, а чутьём уловленного вдруг и окрашенного горечью несостоявшегося, упорхнувшего с руки, не случившегося по досадной оплошности, по глупости. Откуда взялось у счастливой крохи, едва научившейся первым жизненным радостям, это пронзительное чувство необъяснимой потери, утраты? Стукнулась о пол коридора красивая игрушка, выпавшая из разжавшейся ладошки, и детская ручонка робко потянулась к моей шляпе – поймать на лету капельку терпкого дождя... В тишине мне почудилось, как где-то глухо и протяжно дрогнули их прочные стены и шустрой ящеркой пробежала по ним едва уловимая глазом трещинка сомнений...

Но, видимо, лишь почудилось – может ли пусть даже самый светлый и трепетный весенний дождик состязаться с мощью и прочностью крепостных стен, если заботливая рука мамы быстро вытерла ладошку маленькой принцессы... И от проворной узкой ящерицы не осталось ни следов, ни хвоста...

...Такой тополиной весны уже больше не повторилось в моей жизни, хотя я всячески пыталась её подстеречь и знала, что и где искать – увы, увы... Эта, единственная, стала подарком надолго, навсегда, и как бы заранее выданным авансом за предстоявшие мне уже почти через месяц жестокие испытания на жёсткой койке больницы скорой медицинской помощи...

Почему же так и не спится в эту дождливую ночь? И всё вертятся и вертятся в памяти пять строчек из начатой, но так и оставшейся в черновике незавершённой, не выстраданной до конца, детской попытке стихосложения:

«Листья рождаются дымкой зелёной
липок, осин, тополят и берёз.
Трепетно смотрят на мир, напоённый
первым несмелым дождём
из весеннего облака грёз...»

...А были ведь дожди и осенние – злые, безысходные, холодные, резкие, безнадежно-затяжные. Они тоже помнятся почему-то. Унылая грязь, сумерки. Пар изо рта и неловкие движения в мокрых и тяжёлых одеждах, гудящие ноги, холодок по спине и прилипшие к лицу растрёпанные чёлки из-под сбившихся капюшонов. Поздняя осень. Прощальные прогулки с полупустой корзиной по мокрому мрачному лесу, ворохи тусклой листвы, печально проседающей под сапогами, осиротевшие в одночасье ветки и чёрные спины стволов... Низкое небо, тяжело повисшее над открывшимися по краю леса полями, печально сменяющими друг друга, над перемежающимися их вдали редкими прочерками посадок. Мокрая дорога с неровными, глубоко въевшимися, колеями и полыньёю по обочинам, жесткие колючки шиповника и ярко-красные, как яблоки, плоды боярышника – в каплях дождя и тумана...

Как пронзительно-ясно видится всё теперь, и светлой грустью щемит сердце – ведь было подарено мне отцом – ненавязчиво, каждодневно, без громких слов и нравоучений, а отложилось же в самых глубинах души прочно и значимо – как чувство Родины, что не угасает никогда и в минуты скорби или испытаний вспыхивает спасительным огнём, опалая озябшую душу и разгоняя мрак отчаяния или безысходности... Лишь у этого огня начинаешь осознавать мудрость поступков, которые не были поняты когда-то и казались обидными и несправедливыми; ощущаешь

вдруг себя обладателем таких несметных богатств душевной и нравственной красоты и силы, что отступает всё чёрное и горькое...

Вот – моё детство. Белоглавский лес вдали от дома, радостные поиски и сбор грибов, вечерет. Уже тяжелы корзины, и даже старые хозяйственные сумки все заполнены яркими подосиновиками с чернеющими крепкими ножками, боровиками и тугими на ощупь лисичками. Все устали, ноги цепляются за высокую траву и упавшие ветки и сучья, руки немеют от желанных нош. И тут внезапно зачастил холодный резкий дождь, всё яростнее и настойчивее! Я и двоюродная сестра Галька жмёмся к моему папе. Он торопливо лезет в рюкзак и ищет плащ-накидку. Это всё, что у нас есть на троих. По Галькиным очкам пробегают ленточки дождя, она жалобно и слепо щурится, не видя вокруг ничего. Мой папа бережно укрывает её этим огромным плащом и на мой немой вопрос весело говорит: «А у тебя есть я!» И мы вдвоём мокнем до самых пяток, а Галька, как ни в чём не бывало, идёт, закутавшись в накидку, и даже не выражает радости. Горькие слёзы обиды быстрее и обильнее дождя текут по моим щекам, но я не смею этого показать из гордости, в душе негодуя на такой поступок отца. Теперь же мне смешна та обида – ведь я несравненно богаче и счастливее Гальки, даже будучи тогда мокрой насквозь...

А вот – совсем другое. Мы вдвоём с отцом заблудились в осеннем лесу, уже смеркается и давно пора к поезду. Грибов нашли совсем мало. Торопимся. Выходим на убранное и покинутое картофельное поле и подбираем случайные картофелины – мокрые и грязные, но радуемся и этой находке! Рюкзак тяжелеет на глазах, замедляются шаги. А надо спешить! Срезаем путь и идём по перепаханной земле, ноги вязнут, обрастают комьями липкой глинистой почвы. Заморосил нудный дождь, повисла пелена тумана.

Тяжело. Грустно. Вдруг – копёнка соломы. И мы устало падаем на неё, скидываем надоевшие рюкзаки. Мокро и холодно. Зябнем. Отец лезет в сырой карман, и вот уже на его ладони жёлтым цыплёнком оживает приёмничек «Орлёнок», а круглый клюв настроечной ручки старательно выхватывает зёрнышки голосов из хаоса и шума помех. Треск эфира почти заглушается шелестом дождя, и вдруг чисто и громко врываются к нам слова песни: «Поле, русское поле...» Я вижу, как по щеке у папы проскользнула скупая слезинка, как он смотрит в небо и часто моргает, отводит взгляд. Слушаем, затаив дыхание, не замечаем уже ничего. «...Я твой тонкий колосок...» Батарейки садятся, не дав дослушать песню. Её продолжают ветер и дождь, дополняя друг друга... Встаём, идём дальше и каждый шаг отдаётся в душе этими немудрёными словами: «Счастьем и болью... связан с тобою... мне не забыть тебя... сердцу вовек... пусть я

давно... человек городской... студит висок... запах полыни... вешние ливни... я... твой тонкий... колосок... колосок... колосок...»

А картошка, которую мы так усердно несли все долгие километры, оказалась уже подмороженной и подгорала на сковороде – напрасно мы поверили ей...

Настойчивый шум дождя всё глубже проникает в память, берedit её и тревожит. Какой уж тут сон!

Вспоминается вдруг давний поход на рыбалку. Я, совсем маленькая, с папой и сестрой Ольгой ловила рыбу до темноты. Неохотно собрали удочки, вещи. Идём к трамваю по узкой тёмной аллейке гуськом: папа, Ольга и я – самая последняя и самая храбрая. Шаги гулко отдаются в тишине осенней ночи. Тусклый лучик фонаря в руках у папы освещает тропинку. Слышу, как он включает приёмничек и крутит колёсико настройки, ищет станции. Луна лениво и слабо выглядывает из-за тучек, тени сливаются в густую однородную и зловещую массу. Мне неуютно идти последней, но ободряет песня Анны Герман, вдруг прорвавшаяся из треска помех: «Надежда – мой компас земной...» Я заслушалась и расхрабрилась, стала вилять по тропинке в такт словам, приплясывать и подпрыгивать от восторга. И вдруг оступилась на ухабе и кубарем покатила в придорожную канаву! Радостно прошуршали листья подо мной, следом скатились мелкие комочки земли на лицо, и прямо в самую глубину моего плена, в распахнутые ужасом глаза уставилась округлившаяся луна, да мелкий тихий дождичек зачастил по дрогнувшим губам. От неожиданности я перестала дышать, в висках застучало и пересохло во рту. Со dna канавы звуки удаляющихся шагов начали ошутимо стихать, голос Анны Герман становился всё глуше и дальше – как прощальное эхо. Такого отчаяния я не помнила за всю свою коротенькую жизнь! Мыши осмелели и зашуршали листвою, по лицу скользнул прохладный ветерок, слёзы подступили совсем близко – «Тут меня никогда не найдут! Про меня забудут!» – можно было готовиться умереть... Вдруг послышался тревожный топот, вот он ближе и ближе. Где-то наверху прерывисто мечется луч фонаря, шаря влево и вправо, «мой компас земной» теперь быстро прибавляется в громкости и треске помех, смешиваясь с тревожным гулом голосов папы и Ольги. Тихая радость от осознания нужности и важности моей персоны наполняет всё моё существо радостью и счастьем, убивает страхи! Я ору: «Тут я, тут! Просто упала в яму и лежу, жду вас!!» И вот меня тащат наверх в четыре руки, торопливо тискают и целуют в темноте ночи, что-то шепча и приговаривая... И как прекрасно звучит под дождём песня про «надежду» и «удачу», что «в награду за смелость...»!

А походы за шиповником... Конечно, уже осенними серыми днями, накануне заморозков и ненастья. Неизменные удочки в руках отца и тяжелый, битком набитый от самого дома рюкзак за спиной – как горб у верблюда, пришитый однажды кем-то накрепко и навсегда. Страстное наше желание только ловить бы рыбёшек в быстрой узенькой речонке, а не обдирать руки в кровь колючками шиповниковых кустов! Но отец твёрд и неуступчив в требованиях – 10 минут ловли рыбы за собранный бидончик шиповника. Оставляет нам около кустов пустую корзину, бидоны на верёвочных лямках и убегает на холмы искать тёрн – круглые чёрные плоды, терпкие и костистые, для подкрашивания осенних компотов и придания им новых вкусовых оттенков. Делать нечего – порыбачить-то хочется! Торопимся срывать упругие оранжевые пули шиповника с извилистых веток, терпя уколы и нещадные царапины на руках. Потом нас участливо спрашивают: «Что, котёночек поцарапал. Да?» А мы гордо отвечаем: «Нет, никакой не котёночек, а сами!»

Руки коченеют и зябнут на осеннем ветру, некоторые ягоды падают мимо бидона и теряются в траве. Выглядывает солнышко, не грея, слепит глаза и вновь прячется в тучки. Вот уже по два бидончика высыпано в бездонную корзину, а отца всё нет. Капнули первые несмелые дождинки, ища, что бы намочить. Вот они уверенно выбирают наш куст и становятся струйками, набирают силу. Мокрые ветки прочнее впиваются в

штормовки и не хотят отдавать свои красные блестящие плоды, испытывая наше терпение. Нам холодно, и мы стараемся быстрее шевелить руками и пританцовываем в такт дождю. Появляется счастливый папа – карманы и брезентовая сумка распухли от добычи – там и тёрн, и шиповник! Хвалит нас, бодро высыпает всё в общую корзину и... опять убегает! Возвращается с колючими букетами срезанных веток барбариса – у нас захватывает дух от красоты этого чуда природы – обильные гроздья узких ягод окрашены от жёлто-оранжевого до малиново-красного и развешены сгустками между узких листьев и острых иголок. Да, да – иголок, неизменно стоящих на страже и этой красоты! Поэтому папины руки так похожи на наши – все в насечках кровавых царапин...

Помню, как вспыхнуло гневом и обидой моё сердце, когда подаренный папой один из тех барбарисовых букетов пошёл «в оцип» на какой-то банальный компот у нашей пожилой приятельницы, с гордостью посмеяшей рассказать нам о своём необдуманном, на мой взгляд, варварском поступке. Разве красоту можно съесть??

...Наконец-то корзина полна до верха, прочно укрыта и завязана!

Теперь – удочки! Как здорово клюёт в дождик! Мы только успеваем выхватывать из мелкой ряби дождливой речушки серебристых рыбок и выпускаем их в тот же бидон, в который собирали шиповник... И вот слышен далёкий перестук колёс, да звук тяжело приближающегося нашего

поезда. А мы ещё спешим забросить «разочек» удочки и прямо с рыбкой на крючке и схваченными вещами карабкаемся на высокий холм, к последнему вагону. Вода из бидончика плещется мне на ноги, рыбки кишат и вздрагивают от моих порывистых движений. Я бегу последней, и холодок тревоги пробегает по спине – не отстать бы! Пытаюсь поднять ногу над ступеньками, цепляюсь за поручень вагона и чувствую, как поползла из-под ног земля – поезд уже трогается, а я никак не оторвусь от ускользающих гремящих камушков между шпалами, рука же слабеет и теряет опору. Дождик делает всё скользким, ненадёжным! Поезд протяжно гудит, вагон дёргается, и только сильные руки отца способны спасти меня – чувствую его прерывистое дыхание, крепкую хватку и вот я уже стою в тамбуре и улыбаюсь – едем! В вагоне полно мокрых уставших людей, от сырой одежды исходит тяжёлый дух и испарина. Сидеть негде и мы возвращаемся в тамбур – слушать стук колёс, лязганье изношенной двери и скрежет ступеней. В мутном стекле проплывают мимо серые унылые пейзажи убранных полей, набегают потоки дождевой воды в быстро сгущающихся осенних сумерках... Каким сладким оказывается подмокший батончик «к чаю» – не успели его съесть на природе и теперь аппетитно жуём, отламывая по очереди аккуратные кусочки и бережно лоя каждую крошку неуклюжими, замёрзшими пальцами...

Но скоро уже войдём мы в нетопленую ещё квартиру, скинем с себя набрякшие одежды, загалдим перед мамой своими восторгами от увиденного и, расставив всюду полыхающие яркостью красок букеты барбариса, будем кутаться в одеяла и искать удобное место своим израненным рукам, щедро омытым настойкой календулы, чтобы быстрее заживали ранки. Впереди – долгие вечера с запахами сушеного в духовке на противнях шиповника, запотевающими квадратиками оконных стекол, неизменно набегающими бытовыми заботами и, конечно же, мечтами о новых поездках в наши рощицы и леса, пусть так по-осеннему сырые, ветреные и пронзительно-печальные, с редким солнышком и частыми дождями...

Бессонными ночами, перебирая в памяти пережитое, как придирчивая кухарка крупу перед варкой, хочется положить на ладонку воспоминаний только самое светлое и важное, действительно ценное. И что же? Почему-то всё настойчивее и настойчивее на неё ложатся лишь эти щедрые на сырость и ненастье дни, выхваченные поздней осенью прямо из-под самого носа зимы, эти запахи намокших штормовок, барбарисовых веток и нагретого в духовке шиповника...

Совсем непросто отыскать разгадку этих причуд памяти, да что-то и не хочется.

...Просто так мерно и уверенно стучит летний дождь за окном, и громко спешат к самому главному в этот миг рубежу своему рождённые и собранные воедино городским ненастьем нетерпеливые ручейки...

Дождь – это надежда...

Стучи, стучи по окнам и крышам!.. Ведь ты – сердце хрупкого тела, именуемого городом; сердце, питающее траву, кусты, деревья и цветы наших улиц, а заодно и нашу память. Стучи, стучи...

(14 августа 2007 г.)